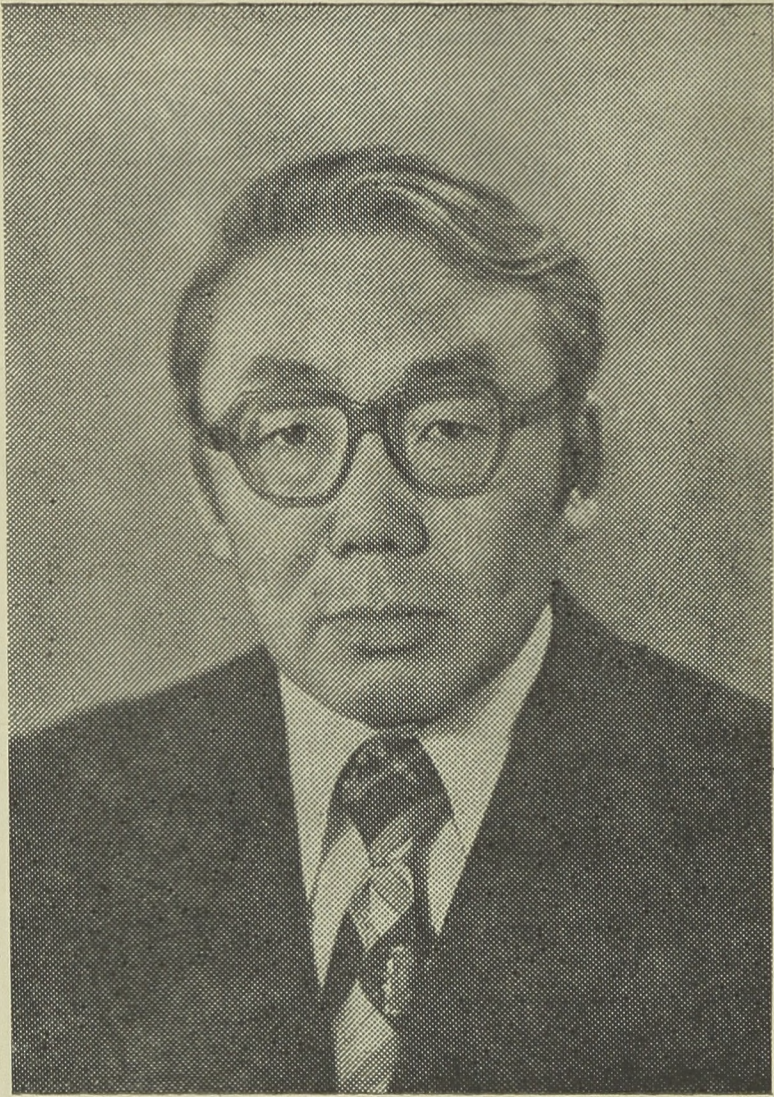

С(бур)
Э-758

ДОРЖИ ЭРДЫНЕЕВ

Большая
родословная

ГЛАВА ПЕРВАЯ

I

Много воды утекло в Байкал, много мяса съели люди, много дел успели сделать, но многое и упустили с тех пор, как поженились Арья Мониев и Ади Танхы. И хоть было это давным-давно, сыновья, внуки и правнуки задумали сыграть их золотую свадьбу — отметить тем самым день рождения рода Арьятан. Торжество решили провести в Эхир-Буусе, в просторном двухэтажном доме, построенном руками Арьи. Сюда удобно добираться и из Улан-Удэ, и из Хужарты, центральной усадьбы колхоза «Победа», где живут родственники стариков.

За два дня стали съезжаться первые гости. На их долю выпала подготовка к празднику. Днем приехала Аян, жена внука Тучина, вечерним автобусом неожиданно прикатил внук Балта.

В том, как встретили их Арьятан, как обсуждали они предстоящее событие, не было ничего любопытного, но именно с их появлением в Эхир-Буусе начались те события, которые обрушились на голову Арьятан как гром среди ясного неба.

В зале, за низким столиком, в уютных креслах Арья и Ади беседовали с молодыми. Рядом с Ади пристроилась внучка Сэсэг, вскоре она задремала. Ади легонько потормошила ее, взяла за руку и повела наверх.

Балта и Аян заговорили о заводе, потом о знакомых. Арья заскучал, но уходить не хотелось. Он с удовольствием поглядывал на внука и невестку — они были красивы, молоды и умны. Он даже удивлялся, как они умны и смелы в своих речах.

Но пора. Он нехотя встал и попрощался. Ступая по ковровой дорожке, устилавшей широкую лестницу, поднялся на второй этаж, где он с женой занимает одну из комнат. Но прежде чем войти, оглянулся и от удивления замер. Несколько секунд он смотрел на молодых не отрываясь, не ве-

ря глазам. Смуглое морщинистое лицо его побагровело, на висках мгновенно вздулись жилы. Почувствовав взгляд, Аян повела глазами в его сторону и тут же потупилась. Балта быстро вскинул ресницы, но Арья отвернулся, шагнул в комнату и молча закрыл за собой дверь. Он прекрасно понял, что значит тот взгляд, которым только что обменялись эти двое.

Аян вскочила. Метнув на Балту укоризненный, отчаянный взгляд, она на ходу набросила пальто и вылетела на улицу.

Балта растерялся: с недоумением смотрел он на дверь, за которой исчезла Аян, потом и его охватило отчаянье. Он вскочил и заметался по залу. Кинулся на второй этаж, но перед дверью стариков остановился: войти в комнату не осмелился. Лихорадочно что-то соображая, постоял у двери, а потом рванулся к выходу.

Прелые запахи прошлогодней травы, талого снега и мерзлой еще земли, растворенные в весеннем воздухе, освежающим холодком ударили в лицо. С минуту он потоптался на крыльце, вдыхая целительный деревенский воздух и пытаясь собраться с мыслями. Но ничего путного в голову не приходило. Сердце бешено колотилось. Он спустился, обошел дом, сад, но Аян не нашел. Тогда он устремился к центру села. Побывал на автобусной остановке, возле клуба — безрезультатно. Выбежал на шоссе, ведущее в город, и увидел, что за селом притормозила машина и какая-то женщина села в нее. Аян! Балта бросился за автомобилем. Но в этот момент из-за дальних гор выплыла луна, и машина будто растворилась в ее блеклом свете. Он долго стоял посреди дороги... А луна, оторвавшись от гор, неудержимо поднималась в небо. Тоска завладела Балтой. Угнетало и чувство вины перед Аян. «Неужели из-за меня ее ждут неприятности?.. Но ведь шила в мешке не утаишь. Все произошло неожиданно, как-то само собой... Что поделаешь, значит, так суждено, теперь нам придется испытать все, что уготовано судьбой... Другого не остается...» — словно в каком-то забытии бормотал Балта.

В эту пору степь обычно ветрена, но сейчас она словно затаилась. Так тихо, что слышен даже шелест листвы, и удивительно светло. «Да-да, — дрожащим голосом говорил Балта, глядя на бесконечно далекие мерцающие звезды, — теперь я знаю: одна из них моя. Но как ее достать? Ведь сама она с неба не упадет...»

Размышляя обо всем, что случилось, он побрел к дому.

Ему показалось, что за несколько часов, проведенных здесь, что-то в нем изменилось: то ли повзрослел, то ли поумнел. Во всяком случае, он ступил на порог этого дома другим человеком...

Дом нагасы¹ — двухэтажный деревянный байшан² — возвышается на левом берегу реки, протекающей по долине Эхир-Буусы, и примыкает оградой к единственной в округе березовой роще. Со стороны можно подумать, что Арьятан построили усадьбу здесь, вдалеке от других, чтобы в случае нужды защитить эту рощу, выпавшую им как счастливый жребий.

II

В эту ночь Арья, как ни старался, не сомкнул глаз. Усталый, раздраженный, он поднялся чуть свет и спустился в зал, где на диване лежал Балта. Он тоже почти не спал. Услышав шаги деда, он натянул на голову одеяло. Но потом не выдержал и отогнул краешек: лицо у нагасы измученное, походка тяжелая... Вот он остановился у больших настенных часов и, пытаясь определить, который час, с минуту всматривался в циферблат. Потом, так же тяжело ступая, прошествовал на кухню. Вскоре оттуда донесся треск горящих поленьев. Пощелкивала, нагреваясь, плита. Дед водрузил на нее бачок с кормом для свиней, долил чайник и вышел на улицу. Пробыл он там довольно долго, — видно, обходил двор, проведаль скотину. Вернувшись, сразу направился в зал и зажег свет. Не глядя на внука, распахнул дверь в одну из комнат:

— Пора вставать!

Ответа не последовало. Тогда Арья включил в комнате свет и сердито проворчал:

— Нету ее, что ли?

— Кроме меня, никто внизу не ночевал, — отозвался Балта, потягиваясь и зевая, будто только проснулся.

Арья повернулся, брови его сердито сдвинулись. Несколько секунд мужчины пристально смотрели друг на друга. В глазах внука, так напоминающих глаза деда, когда

¹ Нагаса — дед по матери. Так же называют дядю со стороны матери.

² Байшан — главный дом, в котором зимуют, где находится мебель и домашние вещи. Здесь — дворец.

он добр и спокоен, Арья прочел готовность принять любое обвинение.

Самообладание Балты взбесило Арья. Каков наглец! Надо проучить его! Выхватив из тумбочки телевизора старый недоуздок, он кинулся к дивану и замахнулся. Но... сраженный то ли неожиданной мыслью, то ли беззащитностью внука, который спокойно смотрел на него, застыл с недоуздком в руке. Растерянно глядя на Балту, опустил руку и медленно зашагал в кухню. «Пока никого нет, надо ему все объяснить,— решил Балта.— Скажу прямо: люблю Аян. Потом пускай бьет». Он торопливо оделся и пошел на кухню.

Но в дверях замешкался; дед сидел у печки поникший и удрученный, гнева будто и не бывало. Лицо его вдруг напомнило Балте окаменелую маску грусти и безнадежности. Придерживая левой рукой деревянную ступку, он механически толкал листья зеленого чая. Арья, конечно, заметил внука, но сидел, не поднимая глаз от зеленого крошева.

«Ишь, нахал, притащился!— с раздражением подумал он.— Стоит себе и пялится, будто ничего не случилось. Устроил спектакль у меня в доме. Другого места ему нет! И ни слова в оправдание... Эх, если б не эта его бесхитрость, вздул бы как следует! Ай-яй-яй, и что за молодежь пошла! При людях не стесняясь пялят глаза на чужую жену. Да что им, в гостях ли, дома ли — только себя и знают. Вот собаки!— Вспомнив, как испугалась и виновато потупилась вчера Аян, Арья покачал головой. На висках опять вздулись жилы.— Какую змею пригрел этот Тучин! А ходит важный, как сытый петух.— Гнев старика неожиданно обрушился на мужа Аян.— Как ехидничал бы этот рогоносец, узнай он, что кого-нибудь из его приятелей опозорила жена!— Он тяжело вздохнул.— А мы, Арьятан, гордимся Тучином... Эх, как все непрочно! Сильный, волевой мужчина, опора, надежда всего рода — на самом деле слабак: ничего не стоит обвести его вокруг пальца!»

Чувствовалось, Арья обескуражен, ошеломлен этим открытием. Но вот он резко поднял голову и в упор посмотрел на Балту. И снова болезненная слабость охватила его, как несколько минут назад, когда он опустил руку с недоуздком, так и не ударив внука.

Состояние деда потрясло Балту. Собрав всю свою волю, он шагнул к старику.

— Нагаса... Вы... меня... Нагаса...

— Только не об этом,— дрогнувшим голосом пресек Арья.

Балта замолчал. Ни о чем другом он говорить не мог. Молчал и Арья.

— Что это с вами?— раздался удивленный женский голос.— Как воды в рот набрали...

В дверях, прислонившись к косяку, стояла бабушка Ади; сухощавая, узколица, черноглазая, чем-то похожая на Арью, она казалась живее и моложе мужа, хотя волосы ее совсем поседели. Пытливо, остро смотрела она на мужчин. Каким-то суровым холодком повеяло от нее. Что она чувствовала, о чем думала — догадаться было невозможно. Такой Балта видел ее вчера, такой была она и сегодня.

По тому, как спокойно занялась Ади хозяйством, он понял, что ей ничего не известно.

— Я вот что решил,— не поднимая головы, нарушил тишину Арья,— эту самую свадьбу, а проще говоря—гулянку, надо отменить!

Ади вздрогнула и отшатнулась, как от пощечины. Мгновенно вся подобравшись, она повернулась к мужу и, крепко сжимая ручку ковша, с изумлением уставилась на старика. Она стояла не шелохнувшись, но Балте почудилось, что еще секунда — и она замахнется и изо всех сил ударит деда этим ковшом. Слова нагасы и для него были неожиданностью. Он-то полагал, что дед примется рассказывать о том, что произошло вчера, и готовился к схватке с Ади. Она бы, наверное, взбесилась, узнай то, что знал дед.

— Думаю, ни к чему эта гулянка,— продолжал меж тем Арья. Голос его звучал уже увереннее, лицо стало спокойнее. Взглянув на ковш, который Ади, казалось, вот-вот занесет над его головой, сверкнул глазами.— Чего стоишь?! Не видишь, чай вскипел! Забели да налей!

— С чего это вдруг отменить?— не сводя с Арьи глаз, гневно бросила Ади.— Где ты раньше был со своими решениями?— Она налила чай.— Что толку в твоих запретах, когда уже почти все готово!

— Ничего страшного: холода еще продержатся, продукты не пропадут.

— Спятил ты, что ли! Должно приехать начальство! Из аймака¹, из города, из Хужарты! Будут вручать грамоты, подарки! Приглашения когда разослали! И родственни-

¹ А й м а к — район.

кам, и знакомым, и всем, кто нам нужен, сообщили день свадьбы!— повысила Ади и без того звенящий голос. И сухо, властно добавила:— Не знаю, какой дурной сон тебе приснился, какая муха укусила,— скажу одно: забудь и думать об этом. Тем более что мысль о свадьбе исходила не от нас с тобой, а от детей...

Арья пропустил ее слова мимо ушей. Не торопясь выпил чай и энергично поднялся.

— Я и забыл, что приглашения уже разослали. Надо всех предупредить.

Он прошел в зал к телефону. Ади и Балта следили за каждым его движением. Старик снял трубку и набрал номер.

— Это ты, Тучин? Я говорю. Вот что, дорогой, позвони Норжон, всем приглашенным и сообщи, что вечеринку отменили... Свадьба или вечеринка — какая разница?.. Почему, почему!— Арья рассердился.— Делай что тебе велят! Я надумал! Дай-ка трубку жене! В магазин пошла?.. Хорошо, позвоню ей позже.— И настойчиво повторил:— Срочно передай всем, что свадьбы не будет. Пока сюда никто не нагрянул.

Услышав, что сноха уже в городе, Ади очень удивилась. Она недоумевающе посмотрела на Балту:

— Что случилось? Почему она уехала?

— Н... не знаю... почему,— замялся Балта, понимая, что после столь крутого решения деда не может быть откровенным.

В это время на лестнице появилась Сэсэг. Слова деда поразили девочку. Но задать старшим вопрос она не осмелилась.

— Куда Балшин уехал?..— громко переспрашивал дед, уже звонивший в Хужарту.— В Эхир-Буусу? Ай-яй-яй!— Затем мягко, но твердо попросил:— Ну ладно, дорогая, ты вот что сделай: немедленно предупреди всех, кого пригласили, что свадьба отменяется! Потом узнаете!

Обзвонив кого надо, Арья опустил в кресло. Он был несколько озабочен и задумчив, но чувствовалось, что вполне доволен собой.

Это окончательно вывело Ади из равновесия. Во взгляде ее застыл ледок

— Во баламут!— издевательски произнесла она, обращаясь к Балте.— Не мозги, а вода у вашего нагасы. Вы еще попомните мое слово! На старости лет вовсе придурком стал!

Но Арья, казалось, ничего не слышал. Ровным, спокойным голосом сказал:

— Дулмажаб говорит, что Балшин еще вчера выехал к отаре. Нагрузят там машину сена, потом Баяр привезет его сюда. А сам он на коне пригонит быка, которого специально откармливали для свадьбы.— И с сожалением вздохнул:— Зря будет мучить себя... Жаль, успел выехать...

— Балта-ахай¹, пойдемте завтракать,— позвала Сэсэг.

— Давайте поживее,— поторопила их Ади.— Пора скот кормить, навоз убирать, а ты, Сэсэг, следи за Балта-ахаем, он человек городской, подстилочный кизяк может от коровьего навоза не отличить. Не так сделает — не стесняйся, объясни. Сена коровам бросьте столько, сколько обычно по утрам даем.

Ади, видимо, начала догадываться, что Балте известно, почему старик отменил свадьбу. Самолюбие ее было уязвлено — как они посмели ее обойти, не сказали ей ни слова! Вымещая на Балте раздражение, досаду, она с едва заметной усмешкой бросила:

— А что, разве я не правду говорю? Все горожане — белоручки. Брезгуют хозяйство держать!

— А оно мне и не нужно!— в тон старухе ответил Балта.

Спокойствие внука подействовало на Ади отрезвляюще, и она продолжала уже без прежней язвительности:

— Свои ли гостят, чужие ли — мы всех заставляем во дворе поработать. Так что и тебе придется потрудиться. Забуди матушку-лень и пошевеливайся.

— Что ж, можно и поразмяться! С чего это вы взяли, что я ленюсь? Одного только не пойму: зачем вам, старикам, такое большое хозяйство?

— Молод еще!— вздохнула Ади, понимая, что внук искренен.— Как же без хозяйства-то? Нас, Арьятан, много. И в городе живут, и в деревне, а есть всем надо. И мясо, и молоко, и масло, и ягоды, и овощи нужны... В магазине-то не накупаешься. Да и отдохнуть тут хорошо, приезжают как на дачу. И на работу удобно добираться.— Обращаясь к Сэсэг, попутно напомнила:— Смотри как следует. Тот раз вы с Аян проморгали, в подстилку сырой навоз попал. Теперь все смерзлось, и коровам холодно снизу. Смотрите в оба, чтоб ягнята насосались досыта... Свиней не забудьте покормить...

¹ А х а й — уважительное обращение к старшему мужчине.

Дверь на кухню была слегка приоткрыта, и Арья, сидевший в зале, незаметно наблюдал за внуком.

— И не отказываются ваши гости заниматься хозяйством? Ведь они отдыхать приезжают, — услышал Арья голос Балты и слегка улыбнулся. — Наверное, могли бы провести время с большей пользой.

— С большей пользой? — насмешливо переспросила Ади. — Ты, видно, из тех, кто как раз и тратит драгоценное время впустую — за книгой, телевизором, в театрах... Пока мать не замучил вконец, перебирайся-ка в деревню!

Балта не выдержал:

— Каждая лягушка свою лужу хвалит и за этим занятием не замечает, как зима наступает. Так что давайте, бабушка, не будем попусту время терять!

То ли обрадовавшись тому, как независимо держался Балта, то ли побоявшись, как бы внук и старуха не сцепились всерьез, Арья зашел в кухню и спросил:

— Ну, как здоровье матери?

Балта ждал этих слов со вчерашнего дня, удивляясь в душе безразличному отношению стариков к дочери.

— Ничего, не жалуется. Работает. Каждое лето отправляю ее на курорт...

— Ладно, кончайте, скотина заждалась! — резко прервала его Ади, не желая слушать дальше.

Оставшись наедине с женой, Арья полюбопытствовал:

— Не знаешь, как его мать отнеслась к нашему приглашению?

— Нет! — холодно выдохнула старуха. — С виду он парень наш, а нутром похож на них. — Арья понял, что она подразумевает Лыксэковых — родственников Балты по отцу. — И все-таки наша жилка чувствуется. Ишь какой самолюбивый! Пока не поздно, надо перетянуть на свою сторону. Отец его в земле, так что помешать не сумеет... Тучин говорил, что Балта пользуется авторитетом на заводе и может быть ему полезен!

Мрачное лицо старика словно окаменело. Недовольство, которое давно вызывала в нем жена своей мертвой хваткой и беспощадной волей, определявшей жизнь семьи, смутное ощущение, что жизнь эта идет не так, как надо, непонятная тревога, снедавшая его последнее время, и заставили Арию принять решение, ошеломившее Ади. После разговора с ней эти чувства с новой силой вспыхнули в его душе.

Двух породистых коров, пару бурувчан¹-двухлеток, трех телят, десятка два овец увидел Балта в длинном с перегородами хлеве. По совету Сэсэг, он сначала взялся за подстилку. Выбросил свежий навоз, положил новую, хорошенько разровнял ее, чтобы никто не мог придраться, потом выгнал овец и скот в загородки, где был приготовлен корм. За зиму они кончили целый зарод и к весне перешли на второй. Скотный двор у Арьятан добротный, везде порядок. С вилами в руках Балта направился к новому зароду, но подцепить сено оказалось не так-то просто.

— Осторожнее, вилы поломаете!— предупредила Сэсэг.— Дедушка сперва забирается наверх, а потом сбрасывает оттуда пластами.

— Спасибо, умница!— обрадовался Балта и влез на зарод.— О, теперь совсем другое дело! Ты, Сэсэг, так хорошо все это знаешь, будто все дни проводишь на скотном дворе!

— Я выхожу сюда с каждым, кто приезжает погостить.

— И с Аян-абгай²?

— И с ней тоже...

С двумя тяжелыми ведрами появился Арья. Прошел в загородку для свиней и вылил корм. Три огромных кабана, едва не сбив его с ног, бросились к большому корыту. Сэсэг, усмиряя, ударила их палкой по мордам. Натолкав в кормушки сена, Балта встал рядом с девочкой.

— Нагаса-аба в хлеву. Наверное, проверяет подстилку,— прошептала Сэсэг.— Если что-то не по нем, заставит переделывать!

— Этого только не хватало! — отмахнулся Балта.— Еще и не угодишь! Раз держат такое хозяйство, пусть помалкивают или сами с ним управляются. И то не так, и это не так...

Сэсэг испуганно и удивленно взглянула на Балту. Никто из молодых Арьятан никогда не осмеливался с таким непочтением отзываться о старших.

В это время у ворот засигналила машина. Оглянувшись, они увидели над забором огромный воз сена.

— Баяр-ахай приехал!— И Сэсэг побежала к машине.— Балта-ахай, надо открыть ворота!

¹ Бурувчан — бычок.

² Абгай — уважительное обращение к женщине.

Шофер, сухощавый стройный парень с загорелым лицом, заметив Балту, приветливо улыбнулся и выпрыгнул из кабины.

— Привет, Балта! Здорово, что ты наконец-то появился в Эхир-Буусе!

— Да вот специальное приглашение получил. Привет, Баяр!— Балта удивленно посмотрел на сено.— Много же ты нагрузил!

— Можно было и больше, да побоялся, что баллоны не выдержат... Давно здесь?

— Со вчерашнего дня...

Балта и Баяр — третье поколение Арьятан. Из-за давнего раздора между семьями они почти не встречались, хотя слышали друг о друге немало. Но в молодости ровесники быстро находят общий язык...

— Ну что, будем разгружать?— ухмыльнулся Балта.— Вот уж никогда бы не подумал, что нужно столько сена, когда во дворе еще целый зарод, а на полях — весна. Ведь вот-вот трава вылезет.

— А... и это кончится!— безнадежно махнул рукой Баяр, словно речь шла о деле, одно напоминание о котором ему тягостно.

— Неужели кончится?— изумился Балта.

— Сам убедишься, если будешь здесь бывать!— и Баяр стал загонять машину во двор.

Вдвоем они быстро управились с возом. На дне кузова оказались тяжелые, тугие мешки. Парни заташили их в амбар.

— Закрой амбар на замок и не забудь про ворота!— крикнул Балте Баяр, выезжая со двора.

Когда Сэсэг и Балта вернулись в дом, бабушка двумя ножами резала в большом деревянном лотке мясо для поз¹. В кухне сидела еще одна гостья — девушка лет восемнадцати — и пила чай.

— Поторапливайся! Сколько можно сидеть и наслаждаться едой! Тесто для поз пора готовить!— грубо бросила ей Ади и повернулась к Балте:— А ты быстренько переодевайся да помогай нам. Одежду найдешь в комнате Тучина... Раз ваш дед не захотел, чтобы нас угостили на семейном празднике, сами себя побалуем.— Чувствовалось, что Ади немножко оттаяла. Показав на вставшую из-за стола де-

¹ Позы — бурятское национальное блюдо. Напоминают пельмени, только значительно крупнее. Варят их на пару.

вушку, она добавила:— Это самая младшая дочь нашего Балшина, твоего единственного дяди.

«Почему единственного? У меня есть и другой дядя — брат отца!»— хотел было возразить Балта. Но старуха опередила:

— В институте учится!

— В каком?

— В педагогическом.— Девушка улыбнулась.— А я вас однажды по телевизору видела...

Но Ади оборвала:

— Ладно, ладно, ступай переодевайся!

Когда Балта вернулся, она достала из шкафа несколько мисок и скомандовала:

— Отодвиньте этот длинный стол в сторону. А теперь, Балта, открой вот эту дверцу и слазь в подполье...

Спустившись в подполье, Балта щелкнул выключателем и чуть не присвистнул от удивления. Чего тут только не было! Бочки с грибами, огурцами, помидорами... лук, чеснок, куча картошки, на полках банки с вареньем, ящик с соевым салом...

Ади подала Балте миски, сказала, что в них положить. Когда он выбрался наверх, она лукаво спросила:

— Ну, как тебе наше подполье?

— Богатое... и оборудовано хорошо — даже пол и стены зацементированы!

— А в городских квартирах, говорят, негде хранить продукты. У нас в Сибири без своего дома никак нельзя. И дети здоровыми растут, и хозяйство завести можно... Дед ваш Арья своими руками этот дом построил! И правильно сделал. Если хотите жить по-человечески, берите с нас пример... Тебе, Балта, самое время строиться. Надо свой дом иметь! Кто живет с размахом, у того и дела спорятся, и друзья не переводятся!

Балта с трудом сдержался, чтобы не надерзить старухе. Но вовремя сообразил, что он как-никак гость и надо быть повежливее.

— Вы, конечно, можете держать такое большое хозяйство! Арьятан много. Рабочих рук хватает... А мне одному некогда, да и душа не лежит к хозяйству!— заявил он, не сдержав досады.

— Почему?— удивленно, будто не замечая состояния внука, попыталась Ади.

— Потому, что есть дела поважнее, поинтереснее!

«Как он не боится ей так отвечать?» Неподдельное изумление читалось в глазах девочек, наблюдавших за бабушкой и братом.

— Бобылем всю жизнь ходить не будешь. Народишь детей, захочешь их в люди вывести. Появятся новые знакомые, родственники, да и старых друзей забывать нельзя: по нашему обычаю, каждого, кто переступит порог с добром, угостить надо, подарок ему преподнести. Да и связи заводить придется... Без своего хозяйства никаких заработков не хватит!— Голос старухи звучал твердо и властно.

Разговор с внуком явно не клеился, Ади никак не удавалось направить его в нужное русло.

Распахнулась дверь, и в кухню вошел Баяр. Он быстро сообразил, что бабушка и брат о чем-то спорят, умылся и, желая поддержать Балту, поинтересовался:

— Балта, я слышал, ты в прошлом году путешествовал по Северному Кавказу. Дорого стоит такая путевка?

Но вопрос его только подлил масла в огонь.

— Я-то оплатил половину. Остальные расходы взял на себя завод.— Баяр и девочки удивленно переглянулись.— Отпуск провел замечательно. Надолго запомнилось... Представьте себе: внизу вечнозеленые растения, а сверху, на горах,— ледники, которые никогда не тают! Как сейчас все помню... Когда мы ехали по Большой Грузинской дороге, я вспоминал наши степи. Здесь они кажутся такими бескрайними, а там мне казалось, что я нашу Бурятию на ладонь могу положить... Все житейские проблемы отступают, делаются такими незначительными, просто смешно, что ты из-за них переживал!..— Балта увлекся и не замечал, с какой завистью глядели на него девочки и Баяр, какие осуждающие взгляды бросала бабушка. Спohватившись, он торопливо закончил:— Нет, я за такой отдых! Это в тысячу раз лучше, чем торчать здесь! Баяр, неужели ваш колхоз не организует туристические поездки?

— Почему же? Организует...— Он помолчал. Видно было, что о такой поездке он и мечтать не смеет.— Но это не для Арьятан!

Ади неодобрительно покосилась на Баяра.

— Сено в горах осталось?— спросила она, чтобы прервать вредный, на ее взгляд, разговор.

— Нет, кончилось.

— А корм привез?

— Привез.

— Отец рано выехал?

— На рассвете. Гонит сюда быка, которого будут забивать на свадьбу. Да бык, судя по всему, не желает, чтобы его пустили на мясо. Недаром отец с ним так долго возится.

— Зря мучается,— вздохнула старуха.— Дед отменил свадьбу!

— Почему?!

— Спроси у него...

Да, решение Арьи всех повергало в изумление, оно казалось странным, бессмысленным. Только Балта смутно догадывался, почему старик отважился на такой шаг. Но делиться своими соображениями ни с кем не собирался: сам еще не до конца разобрался, уж очень все сложно и запутанно... А молодые Арьятан сгорали от любопытства. Что же стряслось? Появись сейчас Арья в доме, они извели бы его вопросами. Но тот бродил по двору и не спешил возвращаться.

IV

Арья не мог сейчас находиться в доме. Как издевалась, как изгалялась бы над ним его старуха, будь он рядом! Сколько упреков обрушилось бы на его голову, сколько испепеляющих взглядов пришлось бы вынести! На его счастье, настало время кормить свиней, и под этим предлогом он вышел из дома. А гости? Что ж, им старик всегда рад. Особенно хорошо, когда приезжают внуки. В такие дни в его большом доме часто слышится смех, и дышать и жить легче, веселее, словно горизонт над Эхир-Буусой раздвигается. Сидя в кресле, он внемлет их разговорам, наблюдает за ними, отыскивает и узнает в их лицах черты сына Балшина, дочерей Субад, Норжон. Да, в жилах молодых течет его кровь и кровь Ади. И покойно на душе оттого, что они умнее, счастливее, чем он в их возрасте. Но сейчас пусть они одни обсуждают его решение. Ведь заявись он — не отстанут, пока не выведают, почему отменил проклятую свадьбу. Если бы знал, что ответить, конечно, не томил бы, не мучил детей...

Давно терзало его смутное предчувствие какой-то беды. И тяжело, беспокойно становилось, оттого что не знал, с какого края ее ждать. И чем яростней гнал он от себя дурные мысли, тем глубже точил душу какой-то червь; и не мог понять, откуда в нем эта смута и к чему она приведет. А

вот вчера... Как только увидел их отрешенные лица, покорные и нежные, увидел, как они смотрят друг на друга, места себе найти не может. Внутри все огнем горит. Вот почему Арья не спешит в дом.

Собирая в саду ветки саженцев, чтобы сжечь их с мусором и прошлогодней травой, он любовно поглядывал на деревья. Буряты его возраста пасут овец, возятся с лошадьми, а он еще и за садом ухаживает. Арья любил это занятие. Вон какие высокие стали деревья, а кусты как выросли! Глаз радуется!

Взгляд его скользнул по железной крыше, по большим окнам двухэтажного дома. Какой все-таки высокий фундамент! Второй такой усадьбы нет ни в Хужарте, где раньше жили Арьятан, ни в Эхир-Буусе. Умные люди, конечно, понимают, какие возможности у Арьятан, если они сумели отгрохать такой байшан! Этот дом, большой летник, просторный амбар и скотный двор послужат не одному поколению. Все сработано добротнo: для себя и потомков, даже ограда сделана из штакетника, прибитого к лиственничным столбам, стоящим на прочном фундаменте.

...Всю жизнь Арья плотничал и наконец, после того, как ушел на пенсию, решил осуществить давнишнюю свою мечту. Как-то раз, улучив момент, он осторожно подступился к Ади: «Каждый достойный человек оставляет по себе память. А чем вспомнят нас наши дети? Скажут, что мы были честными трудолюбивыми людьми?— У Арьи загорелись глаза.— Этого мало!— И пока старуха, чутьем угадавшая, что он хочет ей сказать, собиралась с мыслями, заключил:— Надо строить дом, большой, добротный, с пристройками,— одним словом, хорошую усадьбу!» Ади задрожала от радости. Он понял, что попал в точку, угадал самое сокровенное ее желание, и ему стало приятно, ох как приятно! Всю жизнь он строил для других, исполнял чью-то волю... И вот наконец будет строить для себя, вкладывая в дело всю душу, и опыт, и мастерство. Справившись с волнением, Ади с гордостью произнесла: «Хоть и подступила к нам старость, это не закат; жизнь нашего рода, рода Арьятан, только начинается. Почему бы не поставить дом в Эхир-Буусе? Непременно там! Это как раз между городом и Хужартой. Детям будет удобно добираться. И земля там хорошая, люди никогда не снимутся оттуда. Кроме того, Эхир-Бууса — родина предков, да ведь и мы начали там нашу жизнь!» Окрыленный согласием жены, Арья, не теряя времени, взялся за работу. Давно ли, кажется, это было! А на

самом деле вон сколько времени прошло! Саженцы, которые он посадил тогда, уже превращаются в деревья, а младшая дочь Балшина, приехавшая утром из города, в ту пору без штанов бегала...

— Аба-аа!¹— неожиданно окликнул его кто-то хриловатым сердитым голосом.

Арья быстро обернулся и увидел, что за забором верхом на коне маячит Балшин. Видно, пригнал быка и старается прижать его к ограде. Старик побежал помогать сыну. На ходу распахнул ворота. Бык был здоровенный, бокка ходуном ходили. Значит, Балшин всю дорогу гнал его бегом, не давая опомниться. С трудом загнали они быка на скотный двор.

Балшин соскочил с коня, тщательно закрыл ворота и стал завязывать задвижку веревкой. Руки у него дрожали, лицо осунулось, дышал шумно, прерывисто. Видно, устал до одурения и еле сдерживался, чтобы не выматериться. Старик вдруг заметил, как постарел сын, и с досадой, даже с неожиданной для себя злостью подумал: «Ну что за человек! Всю жизнь как заведенный... Ни сна, ни покоя! Что за нужда, что за страсть такая гонит и гонит его, как иноходца! И никакой вождой не остановишь. Разве что под замок посадить, да куда там... Все ему мало, мало, просто сгорают от алчности!..»

— Убью с-собаку!.. Замучил, сволочь... Так и норовил удрать... Из последних сил пригнал... Было бы ружье, по дороге бы пристрелил!— разразился Балшин.— Выехал почти ночью, а когда пригнал! Полсутки потерял! У, гад. Пить охота!— Он привязал коня и, не снимая с него седла, чтоб не простудился, торопливо направился к дому.

Опираясь руками о грабли, Арья задумчиво посмотрел ему вслед и, немного помедлив, крикнул:

— Сын-аа, постой-ка!

Балшин резко, как конь, которого неожиданно осадил, остановился и тут же поскользнулся: талый снег за ночь подмерз. Еле удержавшись на ногах, он злобно выругался и сердито покосился на отца.

— Подожди, хочу кое-что сказать!— Арья подошел ближе и, глядя сыну прямо в глаза, проговорил:— Тебе приходило когда-нибудь в голову, что отец твой уже стар и скоро главой рода Арьятан станешь ты?.. Конечно, ты и сейчас у нас главный человек, но иногда мне кажется, что

¹ Аба — отец.

ты не задумываешься о будущем семьи, о детях. Я вижу, что тебе не до размышлений: какой-то дьявол таскает тебя день и ночь по всей Хужарте, по Эхир-Буусе! А ведь, кроме нас с тобой, позаботиться о молодых некому. Мы с тобой должны знать, какими они вырастут... Это очень важно, Балшин, особенно для тебя!

— О чем болтаете-то?— резко, недовольно оборвал его Балшин и торопливо повернул к дому.— Задохся я, говорю! Дайте хоть чаю попить!

Арья озабоченно глядел вслед сыну. «Ади ему, конечно, все выложит. Интересно, как он себя поведет?! Вспомнит о том, что я ему сейчас сказал, или взбесится, как...»

Арья не успел додумать, дверь с треском распахнулась, из-за угла выскочил Балшин. Подошел, широко расставил ноги и, прищурившись, уставился на отца. От его потной, без малахая, головы шел пар, во рту была поза, в руках — кружка с остатками чая. Арья усмехнулся, но, заметив, какой злобой горят глаза сына, посуровел.

Проглотив, почти не жуя, позу, Балшин спросил:

— Что за дурость, отец? Зачем отменили свадьбу?

Зачем отменил?.. Если бы он мог ответить. Но сейчас отмолчаться невозможно: сын смотрит в упор и ждет, что он скажет. И самому нет сил молчать. Да и совестно, ведь Балшину действительно ничего не понятно, как тут не возмущаться. Надо, надо избавиться от этой смуты, от этих мыслей, от этой муки, которая сдавила душу, как давит сердце в густой туман.

— Мысль о свадьбе исходила не от вас, отец, а от ваших детей!— Балшин даже побледнел.— Мы хотели отметить день рождения своего рода! Собраться все вместе, посмотреть друг на друга, показать людям, как живут Арьятан!.. Почему не подождали меня, не посоветовались?

— Если бы подождал, под твоим давлением пришлось бы согласиться. Вы бы настояли на вашей затее,— снова усмехнулся Арья. Видно было, он доволен тем, что успел сделать так, как хотел.

Усмешка отца взбесила Балшина.

— Глупый старик! Лезете куда не надо! — закричал он и топнул ногой.

— Не кричи! — одернул его Арья, стараясь держать себя в руках.— Этой так называемой свадьбой вы хотите показать людям, как хорошо живут Арьятан, похвастаться своим благополучием... А мне кажется, сын мой, что нам сегодня не до торжеств! Когда я думаю о нашей семье, ме-

ня не покидает мысль, что у солнца есть не только восход и зенит, но, увы, и закат!

— Что-о? Вы с ума сошли!

— Хватит! — резко прервал Арья, возмущенный грубостью сына: он понял, что Балшин не захочет утруждать себя, не пожелает вникнуть в смысл его слов. В глазах старика сверкнул гнев, брови насупились, лицо стало надменным, высокомерным. — Почему бы тебе хоть раз не задуматься над словами другого человека? Тем более что говорит твой отец!

Балшин сдержался с большим трудом. Стиснул челюсти. Проклятья, которые ему хотелось обрушить на голову этого выжившего из ума старика, не были произнесены. Но Балшин оставался Балшином. Он размахнулся, изо всей силы швырнул себе под ноги кружку и бросился к коню. Отвязал его, прыгнул в седло и ударил недоуздкой по мокрому крупу.

Растерянно глядя на сына, уезжавшего со двора с непокрытой головой, Арья торопливо замахал рукой:

— Эй, сын-аа! Подожди-и-и...

Но Балшин не обернулся: то ли не захотел, то ли не услышал. На лице Арьи снова — в который раз за это утро — застыло выражение озабоченности.

ГЛАВА ВТОРАЯ

I

В застоявшемся с зимы воздухе, с его уже привычными для горожанина запахами, с каждым днем, с каждым часом все сильнее чувствовался свежий дух разбухшей коры и клейких почек; возле тротуаров, где уже повылезали первые ростки ранних трав, эти запахи просто пьянили.

Аян не отрываясь глядела в распахнутое окно. Она не могла надыхаться этим дурманящим, сладким весенним воздухом, еще не загрязненным выхлопными газами. И вдруг увидела Балту, шагающего в веренице прохожих по проспекту.

Воротник его теплого демисезонного пальто был поднят, шею облегал красный шарф, на ботинки ниспадали модные брюки, в руках — перчатки. Он был без шапки — то ли по привычке, то ли потому, что среди молодых ребят это считалось особым шиком.